НАША ГАЗЕТА
nashagazeta.ch

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Томас Венцлова: «История снова ускоряет бег». Часть 2 | Tomas Venclova:«L’histoire accélère de nouveau sa course». Partie 2

Автор: Надежда Сикорская, Lausanne - Лозанна , 27.03.2019.

Поэт Томас Венцлова в Литературном фонде имени Яна Михальского (© Nashagazeta)

Продолжаем публикацию интервью известного литовского поэта, начатую на

прошлой неделе.

|

Voici la suite de l'interview du poète lithuanien dont nous avons commencé la publication la semaine dernière.

Tomas Venclova:«L’histoire accélère de nouveau sa course». Partie 2

Но если Вы так боялись, что же поехали? Что перевесило страх?

Ну, хотелось видеть мать. Плюс я очень любопытный по натуре человек, и мне было интересно посмотреть, что же там происходит. И очень хотел увидеть мою жену, которая тогда ею не была и жила в Ленинграде. Я нашел ее адрес, и вот мы уже 25 лет вместе.

А Бродский так и не вернулся, хотя известно, что в Венеции ему виделся Санкт-Петербург…Что Вы об этом думаете?

Причин его невозвращения было несколько. Во-первых, он был очень травмирован, когда ему дважды отказали в визе и не дали приехать на похороны родителей. Во-вторых, у него были там личные проблемы, которые он не хотел лишний раз бередить. В-третьих, это был для него вопрос принципа: уж если возвращаться, то навсегда, и жить, как раньше, – в тех же условиях, с той же зарплатой. Тогда это честно. Главное же – он был очень болен и боялся, что в случае чего его в России не спасут. Увы, не спасли и на Западе.

Оглядываясь назад, думаете ли Вы, что «несчастье» – лишение гражданства – в итоге помогло сделать карьеру, прославиться? Пригласили бы без этого в Йельский университет?

Было бы сложнее, но вообще мне в жизни везло, я вытащил какой-то счастливый билет. Я никогда не был бедным, никогда не сидел, женился на той, на которой хотел, хотя и после некоторых перипетий. Хотел увидеть мир, что было одной из сильных мотиваций отъезда на Запад, – и увидел практически весь, примерно сто стран.

На Вильнюсском форуме российских интеллектуалов в 2015 году Вас назвали «антисоветским русофилом». Прокомментируете?

Так выразился мой приятель Адам Михник, с которым было выпито много не только водки, но даже лагерного спирта. (Польский общественный деятель, диссидент, журналист, один из наиболее активных представителей политической оппозиции 1968–1989 годов. Главный редактор «Газеты Выбо́рчей». – Прим. ред.) Как ни банально это звучит, Россия – великая страна, страна великой культуры, сложной и несчастливой истории. Я люблю Россию и русский язык, поэзию, жена у меня русская… Поэтому я русофил. Однако российская политика – от Николая I (и даже раньше) до В. В. Путина – мне, скажем так, чужда.

Давайте поговорим о роли интеллигенции. В ней всегда было расслоение на верноподданных творцов, которые держались поближе к власти, и тех, кто придерживался правила «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и

барская любовь». Какой видится Вам российская интеллигенция сегодня, когда она разделена на приверженцев президента Путина и тех, кого зачислили в «пятую колонну»?

Была еще третья категория: те, которые барский гнев на себя навлекали, и таких было довольно много, как известно, – от Чаадаева вплоть до Ленина, потом до Сахарова. Сегодня же многие мои старые друзья вдруг оказались «крымнашистами». Мне трудно это объяснить. Национальный инстинкт – сильная вещь, я это и в Литве замечаю. И это присуще как малым народам, так и большим. С эмоциями, а речь именно о них, очень трудно бороться, да и бессмысленно, но пытаться объяснять надо. Человек обычно не понимает, что есть большие ценности, чем народ. Для христианина это – Бог, для агностика – совесть, истина. Я не раз говорил: если надо выбирать между правдой и нацией, я выбираю правду. Конечно, лучше перед таким выбором не оказываться, но иногда приходится.

А может, роль интеллигенции завышена? В процентном отношении ее представителей так мало, а «остальных» так много…

Интеллигенция, лучшая ее часть – это соль земли, без которой все остальное прокиснет. Очень много уже говорилось о разнице между западной и русской интеллигенцией. Собственно, на западе и слова такого нет, оно пришло из русского языка. Есть понятие интеллектуала, но и среди них встречаются разные, были профашисты и прокоммунисты. Возьмите Эзру Паунда, например.

О подмене понятий. Каким образом прекрасное «патриотизм» превращается чуть ли не в ругательство?

Увы, часто бывает, что слова в разных устах меняют свой оттенок. Возьмите слово «космополитизм», ставшее из-за некоторых ругательством. А ведь космополитом называл себя Эразм Роттердамский, о котором ничего, кроме хорошего, сказать нельзя. Космополитом безусловно был Иисус Христос.
В СССР к слову «космополит» обычно добавлялся эпитет «безродный»… И сейчас добавляется. Если сказать современным правым, что они повторяют слова Сталина, они бы обиделись. Но это факт!

Помните, у Окуджавы: «мне нужно на кого-нибудь молиться». Что Вы скажете о роли религии в современном обществе?

Религия никогда не исчезнет, хоть, на первый взгляд, ее становится все меньше. Я не говорю о России, где в большой степени религия на уровне Тартюфа. Что касается мусульманства, то оно еще переживает период Средневековья и напоминает христианство на том же уровне развития. Это нормально – оно на 600 лет моложе. На Западе же церкви пустеют. Но мне кажется, что число истинных христиан меняется незначительно. Были и есть тартюфы, делающие на религии карьеру, был и есть народ, придерживающийся определенных ритуалов, к которым его приучали в семье, и есть настоящие христиане, их всегда немного. Но человеку действительно нужно на кого-нибудь молиться. Главное – не ошибиться в выборе на кого.

Вы много лет преподавали в Йеле, одном из ведущих университетов мира. Кто были Ваши студенты? Чему Вы их учили?

Я преподавал русскую поэзию, в основном XX века – Цветаеву, Пастернака, Мандельштама, Блока... Чаще всего по-русски. На первой лекции я предупреждал, что аспирантам – в группе было человек десять – предстоит читать в оригинале «Сестра моя – жизнь», и если они поймут эти тексты, то мои лекции и подавно. Студенты знали русский кто хуже, кто лучше, несколько были просто русские. Написание эссе по-русски было плюсом, но написание по-английски не было минусом. Чем мы занимались? Читали стихи и по косточкам их разбирали, стараясь понять, почему это хорошо. Судя по их работам, они понимали.

Был у меня курс, который я читал по-английски, – обзор русской критики от Ломоносова до Бахтина и Лотмана, моего учителя. И вот в качестве курсовой работы я предложил студентам взять любой русский текст и написать на него рецензию в стиле кого-то из классиков русского литературоведения – Карамзина, Белинского, Шкловского, кого угодно. Все справились неплохо, но один американец сделал нечто гениальное: он взял «Египетскую марку» Мандельштама и написал о ней письмо Вяземского Пушкину: вот явился тут один крайний романтик, настолько романтик, что даже читать трудно, но понять можно, и человек явно не без способностей. Правда, он позволяет себе намекать, что ты, Александр, погибнешь на дуэли. Зря он это делает! И так далее. Вот такие есть американцы, но это, конечно, Йель, где очень высокий уровень. Обычно они приходят, ничего не зная, а заканчивают курс, зная больше профессора.

Мне очень понравилось использованное Вами как-то определение апокалиптического оптимизма – «все кончится хорошо, то никто не доживет, чтобы это увидеть». Однако Вам все же довелось увидеть явные сдвиги к лучшему, разве не так?

Несомненно! Был у меня приятель-литовец, который говорил: «Я всю жизнь молил господа продлить мою жизнь, чтобы я увидел свободную Литву и Восточную Европу. Господь, в его бесконечной мудрости, сделал лучше: он не продлил мою жизнь, но ускорил бег истории». По-моему, это гениально! Сейчас история снова ускоряет бег, не уверен, что в нужную сторону, – в мире снова становится опасно жить.

Нет культуры вне политики, не зря же ее называют «мягкой силой». Но может ли она действительно влиять на другие сферы?

Был в Польше в 19 веке повстанец Ромуальд Траугутт, его в итоге повесили. Известно, что провожавшая его на восстание жена спросила: «Есть ли в этом смысл?» Он ответил: «Смысла нет, но есть необходимость». Так и с культурой.

Поскольку мы с Вами познакомились в Швейцарии, скажите, как Вам она нравится?

Она оправдывает репутацию открыточной страны. Жить бы я тут не смог – денег бы не хватило, во всяком случае на удовлетворяющую меня жизнь. Но она интересна мне как страна эмигрантов – кто здесь только не был! Можно совершать паломничество на могилы, чем мы с женой и занимались. С могилой Набокова был казус: служащий сказал, что найти его легко, так как он рядом с Кандинским, перепутав художника с Кокошкой. В Цюрихе направили к Томасу Манну, указав в качестве ориентира Готфрида Келлера. А вообще я использовал месяц в Замке Лавиньи для работы над главой о независимой Литве 1920–1930-х годов, которая

войдет в книгу об истории Литвы для широкого читателя.

Вы, конечно, человек особенный Оказавшись в Афинах, отправились в сомнительный квартал, где когда-то умер Эдип. Плывя на пароходе из Сардинии в Ливорно, не поленились встать в 3 утра, чтобы увидеть остров Монтекристо. Возраст поэтам не помеха, поэт – это состояние души?

Наверно, это особое устройство души, которое есть у всех, но у некоторых оно ярче выражено, и вот они-то и начинают писать. И уже не могут остановиться.

От редакции: Для того, чтобы еще раз не пропустить что-то интересное, советуем вам уже сейчас заказать 14-й номер печатного приложения, который на-днях отправится в типографию. А еще лучше - оформить подписку.

швейцарская культура
памятники культуры
достопримечательности швейцарии
Статьи по теме
Томас Венцлова: «История снова ускоряет бег». Часть 1

Source URL:
https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/tomas-venclova-istoriya-snova-uskoryaet-beg-chast-2